

А.С. Ципко

ЧЕГО МЫ НЕ ХОТИМ ЗНАТЬ О КАРЛЕ МАРКСЕ?

***Аннотация.** В статье предпринята попытка оценить учение К. Маркса в контексте современных представлений об истории экономической науки. Автор анализирует работы предшественников Маркса: Сен-Симона, Рикардо, Смита и др. Делается вывод о несамостоятельности многих идей Маркса, о том, что Маркс-ученый в критические минуты всегда сдавался Марксу-политику и идеологу.*

***Ключевые слова:** К. Маркс; Ф. Энгельс; В.И. Ленин; Д. Рикардо; А. Смит; «Манифест коммунистической партии»; «Капитал».*

**Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
Москва. E-mail: astsipko@yandex.ru**

A.S. Tsipko. What We Don't Want to Know about Karl Marx?

***Abstract.** The article attempts to assess the teachings of Marx in the context of modern ideas about the history of economic science. The author analyzes the works of the predecessors of Marx, Saint-Simon, Ricardo, Smith, etc., demonstrating that in many respects Marx was not self-sufficient and often sacrificed his scientific intentions to politics and ideology.*

***Keywords:** K. Marx; F. Engels; V.I. Lenin; D. Ricardo; «Communist manifesto»; «Capital».*

**Tsipko Alexander Sergeevich – Doctor of Philosophy,
Principal Researcher the Institute of Economics
the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: astsipko@yandex.ru**

*Посвящаю этот текст своему учителю,
профессору Т.И. Ойзерману, автору книги
«Оправдание ревизионизма» [7].*

**Сен-симонизм так и остался
единственной наукой о социализме**

Еще в советское время все же нас в вузах учили, что Карл Маркс позаимствовал свое учение о будущем ассоциированном некапиталистическом обществе у социалистов-утопистов, у Сен-Симона. Но вот что не менее важно. То, с чем чаще всего связывают имя Маркса, с наукой об экономике, а именно с определением стоимости рабочего времени, является заслугой Давида Рикардо. Именно Рикардо сумел создать науку о природе капитала, преодолеть глубинные противоречия учения Смита в его труде о происхождении «Богатства народов» и включил в стоимость товара стоимость потраченных средств производства. Вместо купленного труда на сцену явился затраченный труд, а вместо неопределенного понятия «труд» – более точное понятие «рабочее время». Поэтому, когда мы сегодня, вслед за русскими философами начала XX в. говорим, что бесспорная заслуга Маркса и его последователей заключается в том, что они показали «важную роль экономических причин в истории» [см. об этом: 11, с. 91], то надо понимать, что автор «Капитала» отнюдь не был первопроходцем в этой сфере общественного знания. Сен-симонисты, как позже и Маркс, говорили даже не о «важной», а о решающей роли развития производства в человеческой истории, обращали внимание на связь между способом эксплуатации человека человеком и способом организации производства. Все те категории, которые мы связываем с Марксом, были внесены в общественную науку почти за полвека до появления его «Капитала», в начале 20-х годов XIX столетия. Речь идет о понятиях «эксплуатация человека человеком», «отношение собственности», «ассоциированный труд» и т.д. Что касается экономической составляющей учения Маркса, то он сам говорил, что идет в исследовании природы труда вслед за Рикардо.

В «Теориях прибавочной стоимости» он прямо пишет, что с открытия Рикардо начинается экономическая наука. «Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы – понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса, – пишет Маркс, – есть определение стоимости рабочего времени. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, внесенные ею категории – отношение производства и обращения – соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту... В этом-то и заключается историческое значение Рикардо для науки» [8, с. VIII].

Сравнивая все, что писали об истоках марксизма переболевшие им в молодости основатели так называемого «русского идеализма начала

XX века», с тем, что писал на эту тему Ленин, можно сказать, что Владимир Ильич в этом отношении был более осведомлен, чем они. К примеру, Николай Бердяев видит заслугу Маркса в том, что он внес в общественную науку понятие «класс». Но на самом деле классовая природа капиталистического общества была впервые описана сен-симонистами. Именно они связали понятие «класс» с понятием «эксплуатация человека человеком». Ленин, в отличие от будущих веховцев, не присваивал Марксу заслуги сен-симонистов. Ленинская статья «Три источника и три составных части марксизма» давала возможность вполне легально в печатных подцензурных публикациях показывать, что на самом деле у Маркса как мыслителя ни одной собственной оригинальной идеи не было. Даже в советское время существовал не только профессиональный интерес к марксизму как к основанию государственной марксистско-ленинской идеологии, но возможность уже по крайней мере с начала 1960-х «втихую» говорить о том, что прогноз Маркса о самоисчерпании частнокапиталистической цивилизации не совпадает с реальным ходом человеческой истории.

Ощущение вторичности Маркса и в его учении о капитализме, и особенно в его учении о коммунистической ассоциации производителей, свободной от эксплуатации человека человеком, всегда ощущалось теми, кто знакомился с текстами тех, кого называли «предшественниками» Маркса. Если цитировать выдержки из упомянутых мной выше лекций сен-симонистов, не называя источник, то можно будет подумать, что перед нами тексты Маркса. Первое – критика капиталистической конкуренции, порождающей кризисы перепроизводства. «Бросим взгляд на окружающее нас общество. Промышленность жестоко страдает от многочисленных кризисов, от прискорбных катастроф. Это явление начинает поражать некоторые умы, но они не отдают себе отчета в принципе столь большой неурядицы, они не видят, что она представляет собой результат практического применения принципа неограниченной конкуренции. В самом деле, что такое осуществленная на практике конкуренция, как не непрерывно продолжающаяся в новой форме убийственная война между индивидами и обществом, между нацией и нацией» [10, с. 286].

Те, кто был знаком с историей социалистических учений, знали, что лежащая в основе мировоззрения Маркса вера в неизбежность гибели частной собственности и выросшей на ее основе цивилизации, мира капитализма, была доминирующим настроением эпохи Просвещения, начиная с Руссо. Главная идея «Манифеста коммунистической партии», идея уничтожения частной собственности и «разрушения всего, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность» [6, с. 434], конечно является повторением главной идеи «Общественного договора» Руссо.

Главный вывод «Манифеста», что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», имеет своим теоретическим источником вывод, сделанный Сен-Симоном из анализа человеческой истории. Сен-Симон писал, что «закон, устанавливающий власть и форму правления, не имеет такого значения и такого влияния на благосостояние нации, как закон, устанавливающий собственность и регулирующий пользование ею... Учреждение собственности – суть, именно этот институт служит основанием общественного здания... Таким образом, наиболее важный вопрос, подлежащий разрешению, это вопрос о том, как должна быть организована собственность для наибольшего блага всего общества в отношении свобод и в отношении богатства» [10, с. 354–355]. В этом существо марксова учения о том, что отношения собственности, т.е. производственные отношения, первичны по отношению к институтам права.

В так называемом научном социализме Маркса не было ни одного понятия, которое не было бы создано до него теми, кого у нас в советское время было принято называть «социалистами-утопистами». Особое внимание сен-симонисты уделяли судьбе рабочего как потомка раба, и в связи с этим использовали понятие «эксплуатация человека человеком». Рабочий лишен в жизни главного, что для эпохи Просвещения было основной ценностью, утверждали сен-симонисты, лишен «времени для развития своих интеллектуальных способностей, своих нравственных привязанностей». А «может ли он возыметь стремление к этому?» – спрашивали сен-симонисты. И сами себе отвечали: «А если бы он испытывал это стремление, кто дал бы ему средства для его удовлетворения? Кто сделал бы науку доступной для него? Кто признал бы изъяснения его сердца? Никто о нем не думает, жалкое физическое существование ведет его к огрублению, а огрубление – к развращенности, источнику новых бедствий: образуется порочный круг, каждая точка которого внушает отвращение и ужас, вместо того чтобы вызвать только жалость» [2, с. 254].

Все названные выше понятия и идеи, включая идею «всемирной ассоциации», которая избавит человечество от всех «антагонизмов», от «эксплуатации человека человеком», тоже принадлежали Сен-Симону и сен-симонистам. В том числе и понятие «классовые отношения». Конечная цель всемирной истории, настаивали сен-симонисты, это «всемирная ассоциация, т.е. ассоциация всех людей по всему лицу земли и во всех областях отношений», т.е. отмирание не только классов, но и наций, национальных государств. «Состояние антагонизмов» должно сменить «состояние ассоциации» [2, с. 214–215].

Забегая вперед, не могу не сказать, что если история не подтвердила прогноз Маркса о судьбе капитализма, а именно его веру в то, что капитализм ждет глубочайший кризис, который поставит на повестку дня необхо-

димось перехода к принципиально иной организации производства, то она, история, подтвердила многие прогнозы сен-симонистов. Социализация, улучшение условий жизни и труда рабочих возможна и при сохранении существующей цивилизации. На постепенное очеловечивание цивилизации наемного труда надеялись сен-симонисты. Они противопоставили эволюцию революции. Оправдалось их предвидение, что руководство промышленными предприятиями будет постепенно переходить от капиталиста к технократу, что готовится нечто подобное «государственному капитализму», в основе которого уже будет лежать идея планирования, идея сочетания интересов промышленников и общества. Предусматривалось также, что использование промышленниками кредитов из общего межнационального банка будет обосновано с научной точки зрения. Для этого последователи Сен-Симона предлагали создать то, что потом в СССР назовут «госпланом», а именно «командитарную ассоциацию», объединяющую в себе наиболее «способных ученых и промышленников». Совет ассоциации, согласно учению сен-симонистов, имел своей основной задачей оценку предложений, направляемых в ассоциацию предприятиями, желающими воспользоваться кредитом. Непосредственная задача ассоциации как кредитного учреждения состоит в том, чтобы поддерживать способнейших организаторов индустрии, стремящихся вводить в промышленность улучшенные методы. Таким образом, весь понятийный аппарат марксистского учения об ассоциации производителей был сформулирован сен-симонистами за 20 с лишним лет до «Манифеста».

В чем же отличие марксизма от сен-симонизма? Прежде всего в том, что сен-симонисты были большими реалистами, чем Маркс и марксисты. И, конечно, надо учитывать, что сен-симонисты были верующие христиане, а Маркс – воинствующий атеист. В отличие от него сен-симонисты считали, что при помощи революции, насилия ничего позитивного создать нельзя, а потому связывали идею ассоциации прежде всего с наукой, постепенным облагораживанием отношений собственности. Трагедия Маркса и марксистов состояла в том, что все, что с их точки зрения должно было придать научный характер социальному учению сен-симонистов, и прежде всего гегелевская диалектика, на самом деле вело к полному отрыву их так называемого научного социализма от реальности, от бытия человека, от природы человека.

Люди, говорящие сегодня в России о всемирно-историческом значении учения Маркса, не знают, что на самом деле не было никакой «победы марксизма» среди европейской социал-демократии. Создателем немецкой социал-демократии был не Маркс, а его идейный противник Лассаль. Не соответствует фактам, подчеркивает Т.И. Ойзерман, идущее у нас в России от Ленина убеждение, что марксизм в Германии пошел вширь, т.е. стал массовым пролетарским сознанием. «...Факты говорят о другом. А. Бебель в своей автобиографии отмечает, что “Манифест коммунистической партии” и другие

труды Маркса и Энгельса стали известны партии только в конце 60-х – начале 70-х годов. Сам он узнал о существовании Маркса, лишь когда прочитал написанный Марксом “Учредительный манифест Первого Интернационала”. В рабочем движении тогдашней Германии, т.е. в 70-х годах XIX в., наиболее влиятельными были идеи Лассаля, а не Маркса. Бебель, объясняя Энгельсу эту ситуацию, писал в мае 1873 г.: “Не следует забывать, что в действительности труды Лассаля, написанные популярным языком, являются основой социализма масс. Это факт, который мы не можем игнорировать: они имеют в Германии в десять, в двадцать раз большее распространение, чем любые другие работы о социализме”. В этой же связи Т.И. Ойзерман обращает внимание, что и в начале XX в. в немецкой социал-демократии, “в социал-демократической, социалистической массе и в руководящих кадрах марксизм едва воспринимался. Согласно исследованию, проведенному в 1905 г., лишь около десяти процентов членов партии обладали знанием марксистского мышления”» [7, с. 10–11].

На мой взгляд, довольно легко объяснить, почему немецкая социал-демократическая партия уже Второго, не коммунистического, а социал-демократического Интернационала ушла от марксизма как революционного социализма к социализму как постепенному, эволюционному способу преодоления противоречий капитализма, постепенной социализации общественной жизни. Революционный максимализм марксизма с его простыми решениями входил во все большее противоречие с европейским парламентаризмом, с традициями гражданского общества. Неслучайно Маркс и Энгельс в конце жизни начали признавать возможность мирного демократического пути перехода от капитализма к социализму.

Нельзя забывать – на это обращали внимание веховцы, более точно – авторы сборника «Из глубины», – что Маркс и Энгельс были противниками таких эволюционных форм социализации, очеловечивания капитализма, как кооперация и профсоюзы рабочих. Вообще пора понять, писал в своей статье «Социализм, культура и большевизм» в сборнике «Из глубины» А.С. Изгоев, что «профессиональное рабочее и кооперативное движения, организующая роль которых во много раз сильнее социализма, нельзя связывать ни с социализмом, ни с деятельностью социалистов, принимающих и в тред-юнионизме и в кооперации большое участие. Кто вдумается поглубже в профессиональное рабочее движение, тот без труда убедится, что оно в конечном счете покоится на национализме, оно охраняет интересы рабочих данной страны, и границы его достижений зависят от силы страны. При более глубоком анализе кооперации нетрудно увидеть, что она имеет своим фундаментом наличие частной собственности. Обе эти идеи, и государственный национализм, и частная собственность, в корне противоречат идее чистого социализма...» [1, с. 364–365].

Как писал тот же А.С. Изгоев, «экономическая теория Маркса давно уже была разрушена европейскими теоретиками», «некультурность социализма в области науки сводится к тому же его основному греху, как и некультурность в области моральной жизни: к мечте о возможности разорвать традицию мировой человеческой жизни и из царства “буржуазной скверны” перескочить в “социалистический рай”» [1, с. 371].

Все исследователи так называемого «научного социализма» Маркса связывали исходный утопизм его рассуждений с лежащей в основе его учения о капитализме идеей Рикардо, что прибавочную стоимость создает только простой физический труд рабочего. Из чего он сделал вывод, что вытеснение машиной, машинным производством простого физического труда рабочего убивает экономическую основу капитализма как производства прибавочной стоимости и тем самым подготавливает материальные условия для социалистического ассоциированного труда.

С чем сам Маркс связывал свое учение о капитализме? Прежде всего с учением о стоимости, с тем, что стоимость как таковая, как он неоднократно подчеркивал, не имеет «иного вещества», кроме самого труда. Это исходное положение, а именно представление о том, что стоимость создает только непосредственный, физический труд рабочего как совокупность его продолжающихся во времени усилий, вело, полагал он, к целому ряду серьезнейших теоретических и политических выводов. В частности, что класс капиталистов сам по себе, сколько бы он ни вкладывал деньги в новые машины, как бы он ни совершенствовал производство, не может создать новую стоимость и, следовательно, единственным источником вновь созданной стоимости, во имя которой и существует капиталистическое производство, является труд рабочего. В третьем томе «Капитала» Маркс показывает, что использование машинного производства ведет не только к концентрации капитала, к появлению необходимости в «хозяйственном плане», но и к «убийству» простого физического труда рабочего. Да, Маркс связывал свое основное открытие с тем, что, по его мнению, машина, машинное производство убивают капитализм. Капитал, увлекшись погоней за прибылью, за избыточным живым трудом рабочего, полагает Маркс, незаметно для себя существенно подорвал свои собственные устои, постоянно сокращая то, что дает прибавочную стоимость, а именно сокращая долю живого труда в производстве.

В конце концов наступает момент, когда, согласно Марксу, сам капитал становится тормозом развития производства. И этот момент наступил вместе с появлением собственных совершенных машин, вытесняющих живой труд. И потому, по мнению Маркса, капитал был заинтересован в машине, пока к ней можно присоединить труд рабочего. Но он отнюдь не заинтересован в машине, которая освобождает рабочего от труда, дает человечеству «свободное время, представляющее собой как досуг, так и время для более

возвышенной деятельности» [5, с. 221]. А потому, считал Маркс, капитализм себя исчерпал и тем, что он не заинтересован в техническом прогрессе. Для капиталиста выгоднее получить бóльшую прибыль на старой машине, чем меньшую – на новой.

Любому мыслящему человеку всегда было ясно, что история капитализма уже при жизни Маркса, во второй половине XIX в., полностью опровергло то, чему он посвятил свою жизнь, а именно то, что он назвал научным обоснованием грядущей социальной революции. Капитализм за последние 100 лет преодолел все кризисы перепроизводства, которые, по убеждению Маркса, должны были его убить. И самое главное. Капитал не только не был тормозом развития производительных сил, но и стал инициатором к тому времени уже трех научно-технических революций.

Несколько неожиданным является предмет исследования набросков 27 главы к третьему тому «Капитала», в которых Маркс связывает уже гибель капитализма, а более точно – предпосылки перехода к ассоциированному коммунистическому производству – с появлением кооперативных фабрик рабочих, акционерного капитала. «В акционерном деле, – писал здесь Маркс, – уже существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность, но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими рамками... Кооперативные фабрики рабочих являются в пределах старой формы, хотя они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т.е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства» [4, с. 483–484].

Но и здесь, как видно из процитированного выше отрывка из 27 главы третьего тома «Капитала», Маркс изменяет себе как ученый. Ведь из того факта, что рабочие стали акционерами и стимулируют свой труд возможностью получения прибыли, совсем не следует, что они захотят добровольно превратить свою ассоциацию акционеров в ассоциацию рабочих, где уже не будет ни собственности, ни права на собственность, ни стимула получить прибыль и т.д. Можно было бы говорить, как пишет Маркс, что из акционерного капитала вырастет подлинная коммунистическая ассоциация, если бы был хоть один пример превращения кооперативной фабрики рабочих (кооператива крестьян, что, кстати, Маркса никогда не интересовало) в коммунистическую

ассоциацию, в то, что Маркс именуется «новым», более высоким, достойным способом производства. Ведь одно дело – ассоциация собственников, а другое – то, с чем связывал будущее Маркс, а именно ассоциация производителей, порвавших со всем, что связано с собственностью.

Но особое устройство сознания Маркса, которое, на мой взгляд, как раз и породило его экономический детерминизм, не дают ему, к примеру, возможность увидеть человеческую суть и акционерного капитала, и тех же «кооперативных фабрик самих рабочих». На самом деле, если видеть мир таким, какой он есть, а не таким, каким ты его создал своей «наукой», то акционерный капитал, расширяющий до невиданных ранее размеров мир собственников, мир людей, живущих прибылью со своих состояний, пробивает брешь не в капиталистическом способе производства, а в твоём учении о неизбежной гибели капиталистического способа производства, гибели мира частной собственности. Но трагедия Маркса как ученого состояла в том, что он упрямо пренебрегал тем миром и тем человеком, которые напоминали ему об утопичности его воззрений на мир, подрывали его апокалиптику, его ожидание «потопа», конца частнособственнической цивилизации.

Соединение науки и религиозной апокалиптики в творчестве Карла Маркса

Особенность марксизма как социального учения состояла в том, что ее автор соединил приземленный экономизм сен-симонизма с его анализом капиталистической конкуренции, с анализом перспектив ассоциации производителей, с идеей планирования, с верой, что общество должно быть организовано «согласно заранее предусмотренному общему плану» [2, с. 450]. Маркс обладал уникальной способностью созерцать судьбу человечества как целостности, как изначально заложенную в его истории. Нельзя сказать, что те же сен-симонисты рассматривали свое учение о плановой, научной организации общества, свои идеалы вне истории человечества. Ощущение единства исторической судьбы человечества является сердцевиной эпохи Просвещения. У сен-симонистов в концептуальном плане есть все, что многие до сих пор называют сущностью марксизма. Есть идея внутренних закономерностей общественного развития, в том числе и закономерности развития производства, которые они называют «провиденциальным планом» истории. У них есть и идея смены так называемых «органических эпох» так называемыми «критическими эпохами», эпохами «разрушения принципов и учреждений, ранее управлявших обществом» [2, с. 460]. Понятно, что сен-симонизм вобрал в себя все уроки и открытия Французской революции 1789–1794 гг. Сен-симонисты видят, что критические эпохи, которые Маркс назовет эпохами «революции», всегда являются иррелигиозными, несут с собой разрушение

верований и ценностей, характерных для «органических» эпох. Разница между сен-симонистами и Марксом состоит только в том, что для первых «критическая эпоха» – это беда, это время «ожесточенной войны», анархии, эпоха «злых чувств», агрессии, ненависти. А для Маркса, напротив, эпохи революции являются «локомотивами истории», а классовая борьба, ненависть, злоба эксплуатируемых классов к эксплуататорам, просто к высшим классам, даже к мещанам – предпосылкой рождения нового добра, новой морали. Маркс прямо заявляет, что плебейский терроризм якобинцев, т.е. физическое уничтожение аристократии, духовенства и даже «мещанства», является предпосылкой победы революции. Да, Маркс как мыслитель, как политик откровенно звал к крови. И Ленин имел полное право говорить меньшевикам: хотите быть революционерами – не бойтесь крови. «Удастся решительная победа революции, – говорил Ленин, – тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски». «Весь французский терроризм, – писал Маркс в знаменитой “Новой Рейнской газете” в 1848 г., – был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством... Думали ли когда-нибудь о значении слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом “якобинства” в эпоху демократической революции?» [3, с. 47].

Сен-симонисты были намного более реалистичны, ближе к жизни, чем марксисты. Прогнозы первых оправдались уже во второй половине XX в., когда капитал научился, используя знания о «деталях» производства, преодолевать периодически возникающие кризисы (уже не кризисы перепроизводства, а финансовые кризисы). А Маркс, который жаждал революции, активно поддерживал идею революционного насилия, по крайней мере при жизни пользовался популярностью среди революционно настроенной части пролетариата. И все дело в том, что Маркс обладал уникальной способностью придать видимость науки своему мессианизму, своей вере в неизбежность крушения мира сего.

Ведь ученый, как это видно на примере Рикардо, просто старается изучить то, что до него не изучали, найти объяснение тому, что до сих пор является для других тайной. Приведу только один пример. Рикардо в своем исследовании природы меновой стоимости исходит из принципа, который Смит в своем «Богатстве народов» связывает с принципом, «согласно которому соотношение между количеством труда, необходимого для производства различных предметов, представляет единственное основание, которым можно руководствоваться при обмене одних товаров на другие». Но Смит, с точки зрения Рикардо, не исследует, как влияет на относительную стоимость сам тот факт, что предпринимателю необходимо выплачивать ренту. «Адам Смит, – пишет Рикардо, – нигде не анализирует влияние накопления капитала

и обращение земли в частную собственность на относительную стоимость. Важно поэтому, – ставит себе научную задачу Рикардо, – определить, в какой степени действие, неизменно оказываемое на меновую стоимость товаров сравнительным количеством труда, затраченное на их производство, изменяется или модифицируется накоплением капитала и утратой ренты». И Рикардо как ученый говорит, и это уже неопровержимая истина, что на стоимость товаров влияет не только труд, применяемый непосредственно к ней, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду» [9, с. 9].

А теперь посмотрим, как исследует экономические явления Маркс. К примеру, в третьем томе «Капитала» он обращает внимание на развитие акционерного капитала. Но он здесь рассматривает не конкретные особенности акционерного капитала, не его качественные отличия от традиционного предпринимательского капитала. Акционерный капитал интересует его только с позиции веры в неизбежность гибели капитала, он рассматривает акционерный капитал только как предпосылку, начало грядущей «экспроприации» частной капиталистической собственности и превращение ее в достояние всего общества. По его убеждению, акционерный капитал, особенно «кооперативные фабрики рабочих», – это уже «первая брешь» в системе «эксплуатации человека человеком», и такие новые формы организации производства еще раз подтверждают его веру в то, что «на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства» [4, с. 483–484].

Этот пример показывает, что Маркс на самом деле не занимается исследованием экономики, ее содержания самой по себе, он только настойчиво ищет доказательства своей неиссякаемой веры, что развитие капитализма, замена одних форм капитала другими неизбежно приведет к превращению национального богатства в «общественное».

Маркс таким образом создает не просто учение об экономике капитализма, он создает политическую экономию, создает теоретическое обоснование неизбежной, как он полагал, пролетарской революции, учение о неизбежном превращении капиталистической экономики в коммунистическую. Не учитывая эту особенность Маркса как мыслителя, нельзя понять и природу его учения.

Несмотря на то что Маркс внес существенный вклад в развитие политической экономии как науки в науку о производстве вообще и капиталистическом производстве в частности, в своих представлениях о будущем, как он полагал, некапиталистическом обществе, он ничем не отличался от мыслителей, которых принято называть «утопистами». Он не сумел решить свою главную задачу – создать научный социализм как науку о неизбежном само-

исчерпанию капиталистического способа производства. И это связано с тем, что в основу своего учения он положил изначально ложный, идеологизированный взгляд на природу и источник прибавочной стоимости. Речь идет об учении Рикардо, что прибавочная стоимость создается только трудом рабочего. Этот тезис был важен для Маркса, ибо он нес в себе моральное осуждение капитала, капиталистов-предпринимателей, которые, как он считал, богатели только за счет того, что отнимали у рабочего то, что он производил своими руками, т.е. прибавочную стоимость. Как справедливо пишет Т.И. Ойзерман, если это заблуждение Рикардо было вызвано недостаточным развитием машинного производства в его эпоху, то «что же касается заблуждения Маркса, то оно во многом определилось его партийной позицией (выделено мной. – А. Ц.), которая и находила свое теоретическое выражение в положении, что принадлежащие капиталисту средства производства никакой стоимости не создают; все общественное богатство создается трудом пролетариев» [3, с. 365]. И сам по себе этот факт, т.е. отстаивание во имя партийных интересов положения, которое уже при жизни Маркса находилось в вопиющем противоречии с действительностью, еще раз свидетельствует о том, что Маркс-ученый в критические минуты всегда сдавался Марксу-политику и идеологу.

Библиография

1. Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. 608 с.
2. Изложение учения Сен-Симона / Под ред. и с коммент. Э.А. Желубовской; Вступ. статья В.П. Волгина. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 608 с.
3. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 11. 582 с.
4. Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 25. Ч. I. 542 с.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. (первоначальные варианты «Капитала»). Часть II // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1969. Т. 46. Ч. II. 620 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
7. Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма. М.: Канон+; Реабилитация, 2005. 688 с.
8. Предисловие // Рикардо Д. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1941. Т. 1. С. V–XXX.
9. Рикардо Д. Начало политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1941. Т. 1. 287 с.
10. Сен-Симон, Клод Анри де. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 1. 468 с.
11. Трубецкой Е.Н. К характеристике учения Карла Маркса и Энгельса. О значении идеи в истории // Проблемы идеализма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 78–99.

References

- Vehi. Iz glubiny. Moscow: Pravda, 1991. 608 p.
- Izlozhenie uchenija Sen-Simona / Pod red. i s comment. Je.A. Zhelubovskoj; Vstup. Stat'ja V.P. Volgina. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961. 608 p.
- Lenin V.I. Dve taktiki social-demokratii v demokraticeskoj revoljucii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow: Gospolitizdat, 1960. Vol. 11. 582 p.
- Marks K. Kapital. T. III // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Moscow: Gospolitizdat, 1961. Vol. 25. Ch. I. 542 p.
- Marks K. Jekonomicheskie rukopisi 1857–1859 gg. (pervonachal'nye variant «Kapitala»). Chast' II // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Moscow: Politizdat, 1969. Vol. 46. Ch. II. 620 p.
- Marks K., Jengel's F. Manifest kommunisticheskoj partii // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Moscow: Gospolitizdat, 1955. Vol. 4. P. 419–459.
- Ojzerman T.I. Opravdanie revizionizma. Moscow: Kanon+; Reabilitacija, 2005. 688 p.
- Predislovie // Rikardo D. Sochinenija. Moscow: Gospolitizdat, 1941. Vol. 1. P. V–XXX.
- Rikardo D. Nachalo politicheskoj jekonomii i nalogovogo oblozhenija // Rikardo D. Sochinenija. M.: Gospolitizdat, 1941. T. 1. 287 p.
- Sen-Simon, Klod Anri de. Izbrannye sochinenija. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. T. 1. 468 p.
- Trubeckoj E.N. K karakteristike uchenija Karla Marksa i Jengel'sa. O znachenii idei v istorii // Problemy idealizma. M.: ROSSPJeN, 2010. P. 78–99.